ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ

СПЕЦНАЗ ГРУ

Сергей Самаров

ДВА КОМАНДИРА

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Два командира

«Автор»
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Два командира / С. В. Самаров — «Автор», 2018 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-099107-5

Сирия. Группа российскою спецназа капитана Радиолова ликвидировала подразделение американской частой военной компании. Западное руководство горит желанием отомстить. Для уничтожения спецназовцев в Сирию отправляется отряд отборных юловорезов, известный своими черными делами. Но капитан знает, как воевать против тако-ю Bpaia. Правда, внезапно всплыл один нюанс: отряд карателей воз)лавляет ею знакомый -бывший офицер спецназа ГРУ, попавший когда-то в плен к моджахедам и ставший командиром безжалостных рейнджеров...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099107-5

© Самаров С. В., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Пролог 6
Глава первая 16
Глава вторая 22
Глава третья 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Сергей Самаров
Два командира

© Самаров С. В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Пролог

Капитан Радиолов уже слышал от полковника Черноиванова в частном разговоре, что американские военные часто бывают даже более мстительными, чем мусульманские фанатики. По завершении операции в мухафазе Дарья группа прилетела сразу в Кафр-Зиту, куда перебазировалась после успешного наступления дивизия «Силы тигра» под командованием бригадного генерала Сухеля аль-Хасана. Как и обещал переводчик группы и вообще наставник «волкодавов» в Сирии, их помощник во всех делах, включая хозяйственные, ариф[1] Салман, все личные и служебные вещи, в том числе оружие и даже мебель из той квартиры, что была выделена группе под временную базу, были аккуратно вывезены и доставлены в только что освобожденный город. Более того, «волкодавов» разместили в той же гостинице, где они проводили операцию по разблокированию и выводу из города раида[2] Гиваргиса аль-Хабиби и накиба[3] Абдулхамида Сахима вместе с захваченным ими в плен американским полковником разведки Альфонсасом Цитукасом. Только если раньше база «волкодавов» состояла из одной четырехкомнатной квартиры, то теперь им выделили снова, кстати, на втором этаже уже два двухкомнатных номера. В этом было определенное неудобство, но оно легко разрешалось наличием внутренней связи в группе. В целом же новое помещение было значительно удобнее, чем предыдущее. Вдобавок выделенные арифом Салманом люди умудрились даже перевезти во двор гостиницы, где «волкодавы» когда-то вели боевые действия, самодельную душевую кабину. Воду в кабину снова приходилось носить, только в этот раз из самой гостиницы, которая имела собственную скважину, каким-то образом счастливо не разрушенную при нескольких сложных боях в городе. Сначала Кафр-Зиту захватили бандиты ИГИЛа, но ее освободила сирийская армия, правда, ненадолго – вскоре город заняли бандиты «Джабхат ан-Нусры», потом опять сирийские войска, которые снова были выбиты, теперь уже так называемой непримиримой оппозицией при помощи западной коалиции. И в очередной раз город был освобожден бригадой сирийского спецназа «Силы тигра» под командованием бригадного генерала Сухеля аль-Хасана. При таком количестве боев за город, при частой работе артиллерии и авиации, в Кафр-Зите почти не осталось целых домов, как и местных жителей, которые предпочли перебраться в недалекие и даже далекие деревни, где было безопаснее. К тому же многие развалины домов были заминированы, что требовало применения дополнительных саперных подразделений. Ждали прибытия нескольких самолетов из России с инженерными войсками. Они уже многократно выполняли работы по разминированию многих городов. Российские саперы, кстати, научились отыскивать своей аппаратурой и многочисленные подземные коммуникации, оставленные бандитами. Во многих этих коммуникациях были заложены суперсильные взрывные устройства, которые можно было бы активировать даже через несколько лет, когда город будет восстановлен и в нем начнется обычная мирная жизнь. Бандиты заглядывали далеко вперед и собирались напомнить о себе людям годы спустя.

Все это не способствовало возвращению мирных жителей в свои дома. И солдаты, привыкшие возить за собой семьи, на этот раз не призывали их к себе, временно оставив на месте прежнего базирования дивизии.

Но группу «волкодавов», как людей, привычных к воинской дисциплине и постоянно живущих в опасности, в Кафр-Зиту все же вывезли. После завершения операции им выделили на отдых три дня.

---

[1] Ариф – воинское звание в Сирии, соответствует российскому званию ефрейтора. (*Здесь и далее прим. автора.)*

[2] Раид – воинское звание в Сирии, соответствует российскому званию майора.

[3] Накиб – воинское звание в Сирии, соответствует российскому званию капитана.

Первый день прошел спокойно. А на второй не успел капитан Радиолов вернуться из душевой кабины в свой номер, как увидел, что на его куртке, вывешенной на стуле, мигает зеленая лампочка КРУСа «Стрелец». Все бойцы группы находились в командирском номере, и на связь мог выходить только один человек – военный консультант разведотдела дивизии полковник Черноиванов. Капитан надел на мокрую коротко стриженную голову шлем с гарнитурой связи:

– Слушаю, товарищ полковник!

– Как догадался, что это я? – поинтересовался Черноиванов. – Интуиция? Или у тебя на КРУСе какая-то система оповещения стоит?

Пришлось объяснить. Удовлетворенно хмыкнув, полковник спросил:

– Ты как, отдохнуть успел?

– Только-только начал, – тяжело и звучно вздохнул Радиолов. – А отдыха никогда много не бывает. Но оружие, товарищ полковник, уже почистил. Оно готово и под рукой. Ваш традиционный вопрос, успел ли я отдохнуть, обычно означает наличие нового задания. Так по крайней мере в прошлый раз было. Я правильно вас понял, товарищ полковник?

– Не совсем. Задания пока нет, пока есть только предупреждение. Можно сказать, что не слишком приятное известие.

– Зайти к вам, или по телефону предупредите?

– Я сам сейчас зайду. Через восемь минут буду.

– Жду… – коротко ответил капитан и снял шлем с головы.

Он посмотрел на часы и засек время, желая проверить пунктуальность полковника. Время уже приближалось к предвечернему, и скоро начнет смеркаться. А смеркается в Сирии быстро, здесь только рассвет приходит медленный.

– Кто в душ следующий? – спросил Радиолов.

– Моя очередь, командир… – встал со своего места старший лейтенант Опарин.

– Так чего ждешь! Чтобы вода остыла? Иди. Может, еще кто успеет… – распорядился капитан. Он хотел было шагнуть к выключателю, чтобы зажечь в номере свет, но сработала военная привычка – зажигать свет только после того, как будут задернуты шторы, поэтому направился к окну и уже взялся одной рукой за штору, как вдруг взгляд его остановился на чем-то, и он отдал короткую привычную команду:

– Тревога! К оружию! – И сам в два скачка оказался рядом со стулом, где на спинке висел его костюм от экипировки «Ратник», а на сиденье лежал автомат «АК-12» с оптическим прицелом, имеющим тепловизионную насадку Infratech ИТ 310 ТПН с глушителем. Другие «волкодавы» за какие-то секунды оказались рядом.

– В доме напротив… – коротко сообщил Радиолов, большим пальцем правой руки опуская предохранитель в сектор автоматического огня.

Дом напротив был основательно разрушен и зиял выбитыми окнами.

– Где? – переспросил старший лейтенант Ласточкин.

– Где-то внутри бородатая морда с автоматом мелькнула. Кто-то шел по балке перекрытия, подняв руки для балансировки.

– Вспомни-ка, командир, а не туда я противотанковой ракетой стрелял, когда мы в первую операцию отсюда выезжали? Тогда там ни полов, ни перекрытий между этажами нет. Взрывом все должно было разворотить.

– Нет, ты стрелял, кажется, в окна соседнего дома, – попытался вспомнить капитан. – А в эти окна ты, по-моему, с третьего этажа по снайперам стрелял.

– Точно, ракетой – в соседний… – подтвердил лейтенант Карошко. – Я тогда в машине у окна сидел и видел вон тот козырек над дверью. Подумал еще, упадет он или выдержит? Выдержал, хотя дверь взрывом наружу выломало…

– Есть ствол в доме напротив. Над подоконником через два окна! – сообщил лейтенант Сергеев и, отложив автомат, взял в руки свою снайперскую винтовку «Сумрак». – Попробую-ка я угол оконного проема отколоть. Хотя саманный кирпич и слабый, зато вязкий. Пуля застрять может. Разреши рискнуть, командир…

– Отставить баловство! Если стрелять, то уж из «Корда». «Корд» точно угол своротит. Ласточкин, готовься! – приказал Радиолов.

Старший лейтенант аккуратно положил свой пистолет-пулемет «ПП-2000» и взял в руки тяжелую крупнокалиберную винтовку «Корд». Дыхнул во внутреннее стекло «оптики» и тут же протер, зацепив пальцем кусок полотенца, висевшего на плече старшего лейтенанта Опарина.

– Я сначала подумал, на нас кто-то охотиться вышел, – заметил капитан, – но они кого-то другого ждут. Нам в окна уже начали бы шмалять…

– Второй и третий ствол появились, – объявил лейтенант Югов, хотя все «волкодавы» и сами это видели. – Точно – покушение… Или какая-то провокация…

– А вот и четвертый ствол. И пятый за ним. Оба в следующем окне.

– Черноиванов! – сообразил вдруг Радиолов. – Полковник к нам сейчас пройти должен, и кто-то об этом знает…

Он вытащил трубку, быстро нашел в списке последний входящий звонок и нажал на кнопку вызова. Черноиванов ответил сразу:

– Иду-иду, Алексей Терентьевич. Я уже к углу подхожу.

– Тогда там и остановитесь, товарищ полковник.

– Остановился. – Черноиванов хорошо понимал, что в боевой обстановке так шутить со старшим офицером «волкодавы» не будут. – Что случилось?

– В окнах дома напротив нас – засада. Пять стволов. Бородачи. Кого-то ждут. Ждать, думаю, могут только вас.

– Для этого следует знать, что я пойду сюда…

– Похоже, они знают.

– Что предлагаешь?

Путь от штаба дивизии, где разведотдел занимал целое крыло одного этажа бывшей больницы, лежал по узкой перпендикулярной улице, между развалинами домов. Командир группы «волкодавов» легко представил себе маршрут, по которому когда-то с группой проникал в это здание, и предложил:

– Войдите во двор, там на первом этаже выбитое окно. Лейтенант Карошко встретит вас, поможет забраться и проведет к нам. Здесь уже решим…

– Понял. Иду, – сразу согласился непривередливый и даже покладистый по натуре Черноиванов.

– Карошко! Встречай… – послал Радиолов лейтенанта встретить полковника.

Легкий на подъем лейтенант сразу вышел за дверь. На улице тем временем начало темнеть. Торчащие из окон стволы уже не были видны даже в тепловизор, который сможет увидеть их только после того, как они начнут стрелять. Но лучше было бы, чтобы они вообще не стреляли. Однако никого из самих стрелков «волкодавам» заметить так и не удалось.

Дверь открылась, вошел полковник в сопровождении лейтенанта Карошко и сразу двинулся к окну. Посмотрел сквозь запыленное стекло и, никого не увидев, с досадой в голосе спросил:

– Ну и где?

– Окна левее. Сейчас, в сумраке, уже ничего не видно, но они там, за окном. Даже за двумя окнами. Мы насчитали пять автоматных стволов.

– Целых пять! Уважают, заразы… – только и сказал Черноиванов. – Мне бы, честно говоря, и пары хватило с избытком. Одного не могу понять… Здесь улица относительно ожив-

ленная, люди в гостинице, вы, в том числе. Можно было бы засаду устроить в развалинах соседней улицы, где я проходил. Там им никто не помешал бы…

– Не могу знать их мыслей, – ответил Радиолов.

– И что предполагаешь предпринять, Алексей Терентьевич?

Представляй полковник здесь российскую армию, он бы называл командира группы «волкодавов» капитаном. Но он представлял Службу внешней разведки и потому предпочитал имя-отчество. Как ни крути, а Служба внешней разведки – организация в какой-то степени гражданская, хотя сотрудники и носят офицерские звания.

– Подождите нас здесь, – предложил Радиолов. – Мы быстро сбегаем. Посмотрим, что там за типы…

– Как сбегаете? – поинтересовался Черноиванов. – Они ведь вас на выходе увидят.

– Нормально сбегаем. Через двор, и в обход…

– Гони!.. – Полковник хорошо понимал, если покушение не удастся в этот раз, оно может повториться через час или через день. Следовательно, бандитов следует ликвидировать. Правда, он еще не был до конца уверен, что засада установлена именно на него. У него были существенные сомнения относительно того, как бандиты могли узнать момент, когда он отправится в гостиницу. До того как полковник по трубке, шифрующей разговоры, позвонил Радиолову, он и сам не знал, что отправится к «волкодавам» в гости. Прослушать трубку не могли, тем более не могли так быстро расшифровать разговор. Тем не менее капитан Радиолов мало походил на заштатного шутника, и факт подготовки покушения был налицо.

– Ласточкин, передай «Корд» Сергееву. Греков, Сергеев, Куренков! Остаетесь прикрывать товарища полковника. В окно смотрите, но не высовывайтесь, спугнуть можете. Остальные – в темпе собрались, и быстро – за мной! Во двор!

Собраться – значит успеть надеть полностью экипировку – и бронежилет, и «разгрузку», и шлем с очками, и подключить гарнитуру связи к шлему, захватить оружие, проверить наличие боезапаса. Запасные магазины обычно не проверялись. Они находились в специальных кармашках-подсумках «разгрузки», и каждый из «волкодавов» по весу мог определить, хватает ли ему боезапаса. Тем более что сейчас и времени не было пополнять магазины патронами. На все сборы ушло от полутора до двух минут. И бойцы, внешне не суетясь, покинули помещение.

Путь был хорошо знаком Радиолову, здесь он выходил сам, выводя блокированных бандитами в кабинете полковника американской разведки раида аль-Хабиби и накиба Сахима вместе с их пленниками. Сейчас проход был относительно безопасным. Едва ли те, кто готовил покушение на полковника Черноиванова, проникли и в здание гостиницы. Это было очень опасно, в первую очередь из-за присутствия там «волкодавов», которые уже сумели показать свою подготовку и боевую выучку. Хотя от самоуверенных обычно бандитов, привыкших иметь дело с безалаберными сирийцами, ожидать можно было что угодно, поэтому Радиолов осторожность все же соблюдал и сразу за дверью перешел на крадущийся шаг, держа оружие наготове. Впрочем, такая манера поведения, тут же подхваченная остальными «волкодавами», являлась, в дополнение ко всему, еще и активацией необходимого настроя. Ведь боевые действия могут начаться в любой момент, хотя, по расчетам Радиолова, они должны были начаться только тогда, когда группа перейдет дорогу и углубится в развалины дома напротив гостиницы.

До середины гостиничного коридора расстояние было в пятьдесят коротких шагов. Дальше начиналось второе, нежилое крыло здания, разваленное с торца и заминированное, чтобы никто не сумел проникнуть в гостиницу прямиком с улицы. Коридор мог бы даже простреливаться из развалин дома через дорогу, но только до лестницы, устроенной в самой середине здания, дальше коридор загибался под тупым углом. И потому Радиолов вел свою группу, не слишком опасаясь встречной стрельбы.

На лестнице, как оказалось, не было света.

– Карошко, ты полковника встречал, свет на лестнице горел?

– Горел, командир…

– Кто-то не поленился выключить. Или лампочку вывернули. Опарин! Впереди – твоя работа…

Это было естественным, послать вперед сапера группы и двигаться за ним на дистанции как минимум пяти метров. Старший лейтенант Опарин свою работу знал хорошо. Можно было бы воспользоваться и тактическими фонарями, которые крепились на каждом автомате – у кого под стволом, у кого сбоку от ствола на планке Пикатинни[4], но такой свет слишком сильный и яркий, и сразу привлечет ненужное внимание, поэтому включать фонари никто не стал, даже сапер, хотя лестница была глухой и не имела окон даже на лестничных площадках. Опарин предпочел воспользоваться маленьким и тусклым фонариком на обычной дешевой зажигалке. Он привез с собой в командировку несколько таких, хотя сам старший лейтенант никогда в жизни не курил, как и другие «волкодавы». Этот свет был настолько слабым, что увидеть его отблеск со стороны было, пожалуй, невозможно. Значит, и противника он не предупредит. Но все же капитан придержал Опарина за локоть:

– Посвети туда… – показал он пальцем на часть стены над дверью, выходящей на лестницу. Там должна быть лампочка, освещающая лестничный пролет. Всего таких пролетов было два больших и один маленький, ведущий на первый этаж. Старший лейтенант посветил. Лампочка действительно оказалась на месте. Радиолов попробовал дотянуться до нее, чтобы подвернуть, если она слегка выкручена, но не хватило роста. Значит, или свет выключили внизу, на первом этаже, или лампочку выкручивал кто-то очень высокий.

– Есть, командир! Нашел… – сообщил старший лейтенант Опарин и показал слабым лучом света на перила, к которым скотчем крепилась какая-то тканевая полоска. – К взрывателю идет. Отойдите все подальше. Ничего руками не трогать. Взрыватель здесь очень чуткий…

– Все назад! – прозвучала команда Радиолова.

Группа вернулась в коридор второго этажа. Сапер, как показалось капитану, возился со взрывным устройством непростительно долго. Но торопить старшего лейтенанта он не собирался, понимая сложность работы сапера и необходимость повышенной осторожности. Наконец старший лейтенант появился в проеме двери и показал вывинченный взрыватель, что держал в руках. Металлический штырь торчал вертикально, и Опарин придерживал его пальцами.

– Взрыватель стандартный, натяжного типа. Взрывное устройство самодельное, сделано из фугаса, начинка, думаю, как обычно – обрезки гвоздей, болтов, гайки. Но я само взрывное устройство еще не разбирал, потому могу ошибиться. Установили в проломе лестничного пролета, что на третий этаж идет, причем хитро. Обычно как такие ставят? Под ноги, чтобы наступили. Здесь же прикрепили «растяжку» к перилам. Сообразили, что в темноте человек должен интуитивно на перила руку положить, чтобы в случае чего удержаться, и этого движения руки вполне достаточно, чтобы взрыватель активировать.

– Карошко! Ты с полковником поднимался за четыре минуты до этого. Было что-то на перилах? Мог не заметить?

– Никак нет, командир, не было. Дело в том, что я обратил внимание, как полковник Черноиванов поднимается, помогая себе рукой. Он за перила держался. Подумал еще, что потяжелел полковник с годами, не грех бы ему с десяток килограммов сбросить.

– Так… Начинаю понимать… – зло, сквозь зубы, процедил Радиолов.

– Что, командир? – переспросил старший лейтенант Ласточкин.

– Та бородатая харя за окном в доме напротив специально себя продемонстрировала. Он на меня смотрел, а я еще удивлялся, как он меня не увидел! А он видел. И, как только

[4] Планка Пикатинни – специальное крепление на огнестрельном оружии, куда крепится дополнительное оборудование – тактические фонари, различные виды прицелов, лазерные дальномеры и др.

я его заметил, сразу за стену спрятался. А потом нам специально показали стволы, торчащие из окна. Предполагаю, что стволов должно быть по крайней мере в два или даже в три раза больше, чем мы смогли увидеть. И покушение было подготовлено не на полковника, а на нас, на всю группу. Нас хотели в очередной раз уничтожить. А Черноиванов – так, вместо приманки, как ему ни обидно будет это услышать. Опарин, сможешь лестницу взорвать так, чтобы нас не задело? Мы на улице будем.

– Нет проблем, отчего же не сделать!

– Выставляй. Все остальные – во двор. Карошко, веди, ты дорогу знаешь.

Радиолов подключил внутреннюю связь, в которую был включен и полковник Черноиванов. Но капитан не собирался что-то ему объяснять, просто времени на это не было. – Сергеев!

– Слушаю, командир, – отозвался снайпер.

– Сейчас прозвучит взрыв. На него никак не реагируйте. Никаких действий. Займите позицию в окнах. После взрыва из дома напротив несколько человек попытаются проскочить в гостиницу. Валите их напрочь!.. Любого парня с оружием – валите!.. Пусть даже будет в форме сирийского генерала.

– Что произошло, Алексей Терентьевич? – обеспокоенно спросил полковник. – Что за взрыв будет? Где?

– На лестнице. Я потом все объясню…

– Что за странный приказ, стрелять по всем вооруженным? Город только-только захвачен. Здесь полно военных. На десять военных один гражданский, может, и найдется…

– Ну, хотя бы по тем стрелять, кто попытается в гостиницу прорваться.

– А при чем здесь форма генерала сирийской армии?

– Бандиты ведь прошли как-то с оружием в центр города. Я думаю, у них есть сирийская форма. А про генерала – это я образно, товарищ полковник. Но – мы работаем. Опарин! Готово?

– Готово, командир!

– Выходим…

Выходили быстро. Опарин успевал на ходу разматывать клубок с бечевкой. Когда капитан со старшим лейтенантом выпрыгивали из окна во двор, где их уже ждали другие «волкодавы», из кармана «разгрузки» Опарина вдруг выпали четыре прямоугольные тротиловые шашки.

– Это откуда? – спросил капитан.

– Из взрывного устройства. Сообщить не успел. Там пять шашек было, но одну я оставил. Пять разнесли бы дом. Нам тогда жить было бы негде, и парней наших вместе с полковником завалило бы. А так только лестницу помнет, осколками стены посечет, ну и двери с окнами поблизости повышибает. До наших номеров, думаю, не достанет.

– Бандиты не поймут?

– Посчитают, что дом крепкий. А звук будет, так что затыкайте уши…

Уши капитан не стал затыкать, наушники в шлеме прилегали плотно, он только микрофон зажал в ладони. А старший лейтенант тем временем потянул за свой шнур. Взрыв в самом деле был впечатляющий. Сказалось, что произошел он в относительно замкнутом пространстве.

– Всем по укрытиям! – скомандовал Радиолов и сам первым бросился за стоящие во дворе мусорные баки. – Сейчас бандиты пожалуют. У них, думаю, должна быть поблизости группа поддержки…

Из здания послышались звуки интенсивной автоматной стрельбы. Причем стрельба была односторонняя, никто на нее не отвечал, так как очереди были слышны только тем, кто имел шлемы от оснастки «Ратник». Следовательно, стреляли «волкодавы» и полковник Черноиванов. Те, в кого стреляли, скорее всего не сразу даже поняли, если вообще успели понять,

что находятся под обстрелом, потому что интенсивность стрельбы не стихала. Возможно, несколько человек все же прорвались и в гостиницу.

– Сергеев! Доложи обстановку.

– А полковника доложить почему не просишь? – раздался голос Черноиванова.

– Чином еще не вышел, товарищ полковник, – ответил Радиолов. – Сергеев!

– Двенадцать бандитов было. Все бородатые. Часть в форме сирийской армии. У этих бороды покороче – стрижены. Трое прорвались в гостиницу. Несут с собой деревянную лестницу. Встретить их?

– Сверху расстреляйте. Они попытаются подняться.

– Понял. Выходим…

И как раз в этот момент во двор вбежала группа людей. В сумраке ночи разобрать их форму было невозможно. Это могли быть настоящие бойцы сирийской армии, прибежавшие на взрыв. И только после того, как капитан в тепловизионный прицел рассмотрел человека с большой лопатообразной бородой, он дал команду:

– Огонь! – И нажал на спусковой крючок.

С бандитами было покончено в несколько секунд…

– Помнится мне, что вы, товарищ полковник, грозились принести какую-то не слишком приятную весть… Мы готовы выслушать, – сказал капитан Радиолов, когда все собрались в гостиничном номере. «Волкодавам» из двора пришлось воспользоваться заботливо доставленной бандитами лестницей. Самих бандитов сразу расстреляли, не дав даже подняться на несколько ступеней. Но «волкодавов» это нисколько не смутило, лестница им пригодилась.

Как раз к моменту сбора всей группы прибыло сразу три сирийских патруля, которые желали выяснить, что произошло, но полковник, выполняя роль переводчика, отослал их собрать документы у убитых, вызвать машину-«труповозку» и перенести туда тела.

– Если кто-то случайно в живых остался, оказать первую медпомощь и отправить в разведотдел на допрос. Среди тел искать человека славянской внешности. Белоголового и веснушчатого. Примерно моего возраста.

– Это кто? – теперь уже поинтересовался Радиолов, понимая, что полковнику что-то известно о нападавших.

– Некий мистер Lloup-garou, можно звать просто Лугару, что переводится с английского как Оборотень. Это бывший капитан спецназа ГРУ Юрий Иванович Волков. Доводилось про такого слышать?

– Доводилось, – неохотно признался Радиолов, но уточнять ничего не стал.

– Так вот, мое сообщение, о котором я говорил… ЧВК «Волкодав» нанесла серьезный удар по престижу американских ЧВК. Причем уже не в первый раз. До вас группа Лесничего отличилась в Донбассе. Тоже против американцев. И американцы горят желанием расквитаться. Специально для уничтожения группы капитана Радиолова или просто «волкодава» Радиолова в Сирию прибыла американская ЧВК «Headhunter». Переводить название вам не надо?

– «Охотники за головами», – перевел старший лейтенант Ласточкин, никогда раньше публично не блиставший знанием английского языка.

– Да, именно так. За вашими головами охотники прибыли. И в составе этой американской ЧВК, командуя особой группой, прилетел подполковник Сил Специальных Операций США Юрий Волкофф, как он сейчас официально называется. Но и в Силах Специальных Операций, а это элита спецназа США, есть собственная элита. Это неизвестная и, может быть, потому самая известная, как ни странно это звучит, «Team 6», так старательно прикрываемая ширмой тайны, что это вызывает к подразделению повышенный интерес. Переводится название…

– «Команда шесть», – пожелал вновь блеснуть знанием английского старший лейтенант Ласточкин, хотя это простое слово перевести могли, наверное, все «волкодавы».

– Точно так, – согласился полковник. – И подполковник Волкофф – из состава как раз этой самой пресловутой и чрезвычайно засекреченной «Team 6». Более того, по нашим данным, он состоит в руководстве подразделения и занимает там не самую последнюю должность. Сказывается подготовка спецназа ГРУ, которую даже американцы не без оснований уважают.

– А какую должность занимает мистер Волкофф? – поинтересовался Ласточкин.

– Если проводить аналогию с нашими подразделениями, он возглавляет что-то сходное с оперативным отделом. У них это называется, если мне не изменяет память, отдел оперативного планирования операций. То есть подполковник Волкофф решает, каким образом и какими силами проводить каждое конкретное мероприятие. Вероятно, из «Team 6» в составе «Охотников за головами» мистер Волкофф не один. Сирийская разведка имеет проверенные данные, что вместе с ним прибыли еще как минимум трое бойцов того же подразделения. Но возможно, больше. А это серьезная сила. Мы, я имею в виду российскую разведку, имеем данные, что только годовая подготовка каждого бойца «Team 6» обходится американским налогоплательщикам в восемьсот тысяч долларов. Это не считая оплаты их труда, а вместе с оплатой – раза в три больше, хотя точную сумму мы не знаем. Однако, как говорят сами американцы, они полностью отрабатывают затраты.

– Когда-то в Афгане капитан Волков, как мне рассказывали, – задумчиво произнес капитан Радиолов, – славился чрезвычайно хитрыми ловушками для «духов». Он придумывал нечто настолько многоходовое, что «духи» запутывались в ходе его мыслей и действий и в итоге попадались в ловушку.

– У нас в СВР есть такие данные, – согласился Черноиванов. – Очень коварный противник, с которым требуется повышенная осторожность. Если вообще стоит с ним связываться…

– Мы уже связались… – заявил Радиолов.

– Ты думаешь, что покушение на меня… – начал полковник.

– Я думаю, что покушения на вас не было, – озвучил капитан свои соображения.

– Как? Но ты же, Алексей Терентьевич, сам только недавно утверждал обратное.

– Извините, товарищ полковник. Я ошибся.

– Вижу, что-то ты надумал. Только сначала я закончу. Я уже успел по дороге сюда связаться с полковником Селиверстовым. Объяснил ему ситуацию и предложил отозвать «волкодавов» в Москву. Хотя бы на время. Селиверстов со мной согласился, но при условии согласия самой группы. Он, видимо, скоро позвонит тебе, Алексей Терентьевич, так что будь готов к разговору. А теперь я готов выслушать твои соображения.

Радиолов, только недавно вернувшись с места взрыва на лестнице и надышавшись пылью, встал, налил себе кружку воды, половиной прополоскал рот, вторую половину медленно выпил, после чего заговорил:

– Все просто, товарищ полковник. Если бы покушение было на вас, то вас просто застрелили бы из развалин на боковой улице, по которой редко кто ходит, и где как раз шли вы. Тот же Лугару, насколько я понимаю, не такой дурак, чтобы не использовать безопасную ситуацию ради какой-то даже значительной эффектности.

– Вот здесь я с тобой, Алексей Терентьевич, попробую не согласиться. Американцам в данной ситуации требуется как раз эффект, чтобы оправдать своих спецназовцев и поднять их, грубо говоря, «на котурны»[5]. Именно для этого они и прибыли в Сирию. Необходимо, чтобы гром прогремел, а кого убьет молнией – это им не столь суть и важно.

– Тогда подскажите мне, товарищ полковник, какую вообще цель могли поставить перед собой «Охотники за головами», совершая покушение на российского военного советника?

---

[5] «Поднять на котурны» – расхожее выражение по аналогии с древнегреческим театром, где главного героя, чтобы выделить, обували в особую обувь – котурны (в современной моде это обувь с большой платформой). Таким образом, актер становился ростом выше и выделялся на сцене от других.

– Я, конечно, достаточно высоко оцениваю свой вклад в дело победы над противником и усиления сирийских вооруженных сил, но не могу не признать правоту твоих слов. Мой вклад не настолько значителен, чтобы меня приговорить к смерти. Кроме того, как я уже говорил, мне передали данные сирийской разведки, что на уничтожение обрекли не меня, а как раз группу «волкодавов», вас всех то есть. Итак, что ты предполагаешь?

Радиолов заложил руки за спину и с опущенной головой – так ему лучше думалось – принялся вышагивать по гостиничному номеру от стены до стены. Вернее, от дивана до дивана, потому что диваны, привезенные людьми арифа Салмана, теперь стояли вдоль всех стен.

– Я предполагаю очередную «многоходовку», придуманную Лунару-Оборотнем. Здесь, правда, остается непонятным только один момент, который нам необходимо будет основательно просчитать. Но в целом картина мне представляется таким образом. Я не знаю как, но бандиты доставили до товарища полковника Черноиванова информацию о том, что против группы выставлен серьезный противник. Информация, вне всяких сомнений, должна быть достоверная и проверяемая. Для чего они сами себя продемонстрировали? Это вопрос достаточно простой. Убийцам требовалось, чтобы полковник Черноиванов совершил визит в гостиницу. Как его заставили это сделать – это и есть тот вопрос, который нам предстоит решить. Но факт остается фактом, товарища полковника к визиту, как я думаю, подтолкнули. Так было дело, товарищ полковник?

– Практически так. Ко мне в кабинет зашел акид[6] аль-Аттан, начальник разведотдела, вместе с мукаддамом[7] аль-Гунсэном, офицером второго отделения разведотдела[8]. Они мне и выложили все сведения о прибытии в Сирию «Охотников за головами» и подполковника Волкоффа. Это данные агентурной разведки. Акид аль-Аттан лично сильно настаивал, чтобы я немедленно предупредил группу «волкодавов», потому что «Охотники за головами» обычно не имеют привычку тянуть время и работают практически без подготовки, «с колес». Я пообещал сразу вызвать к себе капитана Радиолова, на что аль-Аттан возразил, что теперь вход в штаб стал намного сложнее. Придется выписывать пропуск и долго ждать, когда его подпишут. Тогда я решил, что сам схожу в гостиницу, о чем акиду тут же и сообщил. Он не в курсе, что у нас разговоры по трубкам шифруются, я этого не показываю, чтобы акид не запросил себе такую же трубку – он по характеру человек ревнивый и завистливый, а потом, чтобы вести разговоры с подчиненными, затребует и им такие же трубки. После чего, думаю, трубки могут и всему штабу дивизии срочно понадобиться. О каком тогда шифровании можно вести разговор! И потому, позвонив при акиде сюда, я не стал ничего по телефону объяснять, пообещал только прийти через восемь минут. Я уже засекал время – это как раз то, что нужно, чтобы от штаба до вас добраться.

– То есть, товарищ полковник, начальник разведотдела дивизии «Силы тигра» лично практически заставил вас отправиться в гостиницу?

– Получается, что так. Но я сразу хочу предупредить, что акид аль-Аттан все всяких подозрений. Он ближайший друг и соратник генерала Сухеля и вместе с ним прошел все стадии формирования дивизии спецназа Сирии.

– Однако при разговоре присутствовал еще и мукаддам аль-Гунсэн, – напомнил старший лейтенант Ласточкин.

– Мукаддаму я лично доверяю даже больше, чем акиду, – категорично объявил Черноиванов. – Мы с ним сотрудничаем с первого дня моего прибытия в Сирию.

– Значит, кто-то, действуя умными аргументами, их попросту подтолкнул сделать то, что они сделали. Проработано все было лично, как я думаю, Лугару, – подсказал Ласточкин.

---

[6] Акид – воинское звание в Сирии, тождественно российскому полковнику.

[7] Мукаддам – воинское звание в Сирии, тождественно российскому подполковнику.

[8] Второе отделение разведотдела дивизии обычно отвечает за агентурную работу.

– А ты что про Оборотня знаешь? – поинтересовался полковник у старшего лейтенанта.

– Очень мало. Но я служил в отдельной мобильной офицерской группе, и мой первый командир, в бытность свою линейного офицера, когда-то имел Оборотня у себя в подчинении. Отзывался о его способностях весьма даже лестно. Говорил, что такие враги нас многому могут научить.

– Понятно, – кивнул Черноиванов. – Продолжай, Алексей Терентьевич.

– Вот так… Отправили они, значит, товарища полковника к нам в гостиницу. Тогда нам, в данном случае именно мне, были продемонстрированы люди в нежилом доме напротив. Я уверен, что тот человек в окне не случайно показался. Он просто не мог меня не видеть. Обязан был видеть. И он увидел. И сразу исчез из поля зрения. А дальше все уже просто. Бандиты просчитали, что мы, в свою очередь, тоже просчитаем ситуацию и подумаем, что, раз стволы смотрят не в наши окна, значит, готовится покушение на кого-то другого. В данном случае на товарища полковника Черноиванова, который должен к нам вот-вот прийти. Наши встречные действия понятны. Думаю, историю с освобождением окруженных в гостинице офицеров американцы знают. Изучили до мелочей, тем более тогда был захвачен их полковник разведки. И они знали, что мы в тот раз пользовались двором и выбитым окном во дворе. Естественным было предположить, что и в этот раз мы проведем товарища полковника тем же путем. Что мы благополучно и сделали. Сразу после прохода товарища полковника на лестнице был выключен свет, а сама лестница заминирована. Для этого требовалось только захватить помещение дежурной по гостинице. Там одна женщина внизу сидит. Карошко, сходи, посмотри, что там произошло…

– Не надо, Карошко, – остановил его Черноиванов. – Мне командир одного из патрулей сообщил, что дежурная убита выстрелом в голову.

– Что и требовалось доказать, – кивнул Радиолов. – Бандиты рассчитывали взорвать на лестнице всех «волкодавов» разом. Не получилось. Вместо этого мы их самих уничтожили. Как я понимаю, в город они проникали…

– Мне рассказал командир другого патруля, – подключился полковник, – что встречал группу разоруженных бородачей, которых вели якобы в комендатуру сирийские солдаты под руководством арифа. Видимо, так они и прошли до дома против гостиницы. Комендатура недалеко, через шесть домов в том же направлении.

– Да, так все, видимо, и было. При этом «Охотники за головами» действовали не сами, а использовали в основном настоящих бандитов из остатков банды Амира Роухана. Но теперь, как я думаю, следует ждать следующей акции. Оборотень на этом не остановится…

Глава первая

Полковник Черноиванов после обсуждения всех нюансов в группе позвонил начальнику контрразведки дивизии, молодому и хитрому акиду Македону, который, как оказалось, уже был в курсе произошедшего. Черноиванова всегда удивляла информированность Македона. Сколько бы он ни пытался что-то у него не просто спросить, но даже намеренно удивить сообщением о каком-то событии, Македон уже все знал до мелочей и при этом мог сообщить полковнику даже что-то новое и важное, что тому было неизвестно. При этом у Черноиванова сложилось устойчивое впечатление, что Македон вообще никогда не спал. Много раз доводилось Черноиванову звонить начальнику контрразведки в часы, когда все, казалось, отдыхали, измученные многодневной жарой, но тот всегда отвечал бодрым голосом, словно не понимал, что такое усталость.

– Мы осмотрели в морге госпиталя тела убитых, – сообщил по телефону акид. – Кстати, раненых оказалось два человека, но оба тяжелые. Один, врачи говорят, на сто процентов не выживет, ему требуется нейрохирургическая операция, которую в наших условиях и при нашем оборудовании провести невозможно, второй еще имеет шанс… Так вот, тела наши сотрудники осмотрели и пришли к выводу, что из всей группы только семь человек можно отнести к откровенным мусульманским фанатикам. Осмотр проводили по вашей, господин полковник, методике, которую вы в прошлый раз предложили, – интересовались татуировками.

– Это не моя методика. Это методика, предложенная капитаном Радиоловым. Это тот самый человек, чья группа…

– Я знаю, кто такой капитан Радиолов.

– Да, я же вам сам докладывал, помнится… Продолжайте…

– Так вот, мы имеем в наличии тела семи обыкновенных боевиков. У всех остальных на теле модные в настоящее время татуировки, причем обязательно с устрашающими позами животных, что категорически неприемлемо для настоящих мусульман, даже не относящих себя к фанатикам. Как я, например…

Говорил Македон, как обычно, ровным, почти равнодушным тоном, без всяких эмоций, старательно произнося слова. При этом легко представлялась его внешность с крупным, сильно потеющим носом, с которого постоянно сваливались круглые, «а-ля Джон Леннон», очки. И акид часто подправлял их указательным пальцем.

– Вы мне, господин полковник, вот что объясните… Как ваши хваленые «волкодавы» самого Оборотня умудрились упустить?

– Сам был в городе?

– Сам… И в окно ваших «волкодавов» рассматривал. Когда остальные бандиты пришли в дом, Оборотень уже находился там, встретил их. С ним, кстати, было четверо помощников. Но почему-то в атаку на гостиницу он, как и его помощники, не пошел. Так говорит тот раненый, что имеет шансы на выживание. У него пробито пулей горло, слегка повреждена сонная артерия, но только с правой стороны, где идет отток крови от мозга. Если бы с левой стороны, то он бы уже умер. А так – кровь остановить сумели вовремя, и мозг не затронуло. Разговаривает с трудом, шепотом, но на вопросы отвечать может. Сам он почему-то на Оборотня сильно, похоже, зол. Но это их внутренние проблемы. Я лично с ним не беседовал и в суть не вникал. Даже подозреваю, что этот бандит может попросту врать, желая очернить недруга, или с какой-то целью вводит нас в заблуждение. Как я слышал, Оборотень вообще не ведает, что такое страх. И все-таки я готов поздравить через вас «волкодавов» с успешным завершением очередной операции. Сдается мне, командир у группы весьма даже везучий. Его поздравьте особо. А завтра утром, господин полковник, как прибудете в штаб, я попрошу вас зайти ко мне с рапортом на имя командира дивизии. Распишите все, что произошло. После чего мы вместе

сходим к генералу и решим, что следует предпринять. Может быть, к утру будут результаты облавы. Я выставил в городе усиленные посты, ориентированные на Оборотня, и пустил вокруг города несколько механизированных комендантских постов.

– Договорились. С утра буду у вас, господин акид.

Черноиванов убрал трубку в чехол и некоторое время еще держал чехол перед собой, задумчиво вертя между пальцами.

– О чем вы говорили? – переспросил Радиолов, не знающий арабского языка, тем не менее выделивший свою фамилию, произнесенную полковником в разговоре. Но собственная фамилия, кажется, меньше всего интересовала капитана. Как и мнение о себе начальника контрразведки дивизии.

– Акид просил поздравить тебя, Алексей Терентьевич, с еще одной успешной операцией. Передаю поздравления и другим «волкодавам». Вы успешно выполнили свою миссию и уничтожили почти всю банду террористов. Все было бы сделано на «отлично», если бы не упустили Лугару. Это считается большим промахом, хотя я лично посчитал бы это просто легкой неудачей, недоразумением, и не больше. Просчитать такое вообще, мне думается, не представляется возможным. Во-первых, вы в тот момент не знали, что за вами открыта охота, и ничего не слышали ни об «Охотниках за головами», ни о присутствии в их рядах знаменитого своего соотечественника Оборотня-Лугару. Во-вторых, кто в здравом уме может предположить, что Лугару лично прибудет в город? Только человек, близко его знающий! А таких среди «волкодавов» не имеется. Значит, обвинять вас не в чем.

– Оборотень был здесь? – вместе с вопросительным восклицанием командира вскочили со своих мест все «волкодавы», уже знающие со слов Черноиванова, что представляет собой бывший офицер Советской армии, а ныне американский подполковник спецназа.

– Один из раненых американцев так утверждает. И говорит, что Лугару не покинул вместе со всеми дом напротив гостиницы. Видимо, что-то заподозрил.

Радиолов подошел к окну и заглянул в пространство между шторами, чуть сдвинув одну из них рукой.

– Дом сейчас обыскивают. Полицейских больше, чем гражданского населения во всей Кафр-Зите. И гражданская полиция, и военная – сирийская и российская. И кажется, кто-то в иранской форме вышагивает по улице вдоль дома. Наверное, какой-то большой начальник. Не иначе иранский сержант. Наверное, его подразделение участвует в обыске. Только где они все раньше были, когда здесь выстрелы звучали, когда взрыв раздался?..

– И гражданская, и военная сирийская полиция, и российская, кстати, тоже, только сегодня в районе обеда начала прибывать в город. Им пока оборудовали палаточный городок на окраине. Завтра парни уже начнут улицы патрулировать, – объяснил Черноиванов. – Только прибыли, и буквально «с колес» за работу. Винить их не в чем. Они охрану улиц еще не несли, приказа не было. Значит, претензии не по адресу. Город только-только освободили.

Полковник, как оказалось, не зря не убирал в карман чехол с трубкой смартфона. Словно предчувствовал предстоящий звонок. Звонок раздался, и голос женщины-робота сообщил, что звонит акид Македон.

– Слушаю, господин акид, – произнес в трубку Черноиванов.

– Господин полковник, мне только что доложили, что в глубине дома напротив гостиницы обнаружен вход в подземную галерею. Через этот ход, видимо, Оборотень и ушел. Но саперы-специалисты из нашей полиции говорят, что там такое плотное минирование, что пройти просто невозможно. Причем минирование выполнено сверху. А у нас все саперы сертифицированы российскими инженерными службами, они ошибиться не могут. Кто-то, значит, оставался и проход минировал. Пока саперы заняты разминированием, неплохо было бы послать в погоню за Оборотнем «волкодавов», если это, естественно, представляется возможным.

– Я понял, господин акид. Сообщите своим людям, что «волкодавы» через пару минут спустятся, чтобы принять участие в поисках. Я прошу оказать нашей группе содействие или по крайней мере не чинить препятствий. Поскольку они главные виновники сегодняшнего торжества, им и карты в руки. Они, возможно, попытаются пройти по галерее и догнать Оборотня. Вплоть до того, чтобы догнать его на базе «Охотников за головами» и устроить там очередную бойню для американцев. Но я передаю решение всех вопросов лично капитану Радиолову. Как он решит, так и будет. А он вправе отложить время свидания с Оборотнем на более поздний срок. Не забудьте своих людей предупредить.

– Хорошо, господин полковник, я предупрежу. Вашей группе окажут возможную поддержку и включат «зеленый свет».

– Группа, в ружье! – закончив разговор, дал резкую команду Черноиванов и жестом подозвал ближе к себе Радиолова: – Значит, Алексей Терентьевич, ситуация у нас такая… В доме напротив обнаружен вход в подземную галерею. Предполагается, что Лугару покинул дом именно таким образом. Причем вместе с четырьмя помощниками, которые, как и он сам, в бой не пошли. При этом саперы-специалисты из сирийской полиции говорят, что проход скорее всего заминирован сверху уже после того, как Оборотень с помощниками прошел. Сейчас выдвигайтесь туда. Гляньте свежим взглядом…

Радиолов еще обдумывал ответ, желая облечь его в вежливую форму, а «волкодавы» уже начали дружно отвечать:

– Лугару мог уйти и до начала основных действий. Он все проверил и ушел. И у бандитов было время, чтобы заминировать проход. Думаю, внутри тоже заминировано, поэтому преследование по подземной галерее не просто непродуктивно, но и рискованно, – заявил старший лейтенант Ласточкин.

Его, как специалист по минному делу, поддержал старший лейтенант Опарин.

– В таких местах, как подземные галереи, обычно рекомендуется ставить простейшие датчики движения, которые сами активируют взрыватели или передают сигнал куда-то в другой конец галереи, что идет преследование. Оттуда взрыватели активируются по проводу либо по радиосигналу. Датчик в состоянии даже численность группы просчитать. Но саперными методами взрывные устройства в галереях предпочтительнее искать поверхностным способом с помощью георадаров. Кроме того, я беру на себя смелость предположить, что раненый американец умышленно дал такую подсказку, рассчитывая, что Оборотня будут преследовать под землей, причем именно «волкодавы». Начнут преследование и сразу погибнут…

– А я предполагаю, – высказал свое мнение Черноиванов, – что где-то должен быть еще один вход в подземную галерею. Если он и заминирован, то только изнутри. И Лугару скорее всего ушел по нему. А главный вход – это отвлекающий момент. Посмотри, Алексей Терентьевич, что там, поищи второй вход…

– Есть, товарищ полковник, поискать второй вход. Но преследовать Оборотня мы под землей не будем. Во-первых, времени прошло уже достаточно, чтобы выйти за пределы города, во-вторых, я привык прислушиваться к рекомендациям своего сапера и не желаю тащить своих бойцов на стопроцентную бесполезную смерть ради попытки оправдания в том, в чем я не виноват. В данном случае не мы Лугару упустили, а он сам ушел…

Голос Радиолова звучал громко и четко. Говорил он, не испытывая сомнений, хорошо при этом понимая, что полковник Черноиванов не является его прямым командиром и не имеет права отдавать приказ «волкодавам» идти на верную гибель. Чуткий к подобным проявлениям человеческой и командирской воли полковник Черноиванов тоже понимал ограниченность своей власти над группой ЧВК, несмотря на разницу в званиях, да и само проявление воли капитаном ему нравилось больше, чем предложение акида Македона организовать преследование Оборотня под землей, которым сам Черноиванов изначально воодушевился.

Сборы не снявших боевой экипировки бойцов завершились за несколько секунд, и группа вышла. Только снайперы оставили свои винтовки в номере под присмотром полковника, о чем капитан Радиолов особо предупредил Черноиванова, и вооружились своими пистолетами-пулеметами «ПП-2000», за счет своей компактности гораздо более удобными при действиях внутри помещений и тем более в подземных галереях.

Полковник молча согласился выполнять роль сторожа в незакрытом помещении и держал свой автомат на коленях с опущенным в нижнее положение предохранителем. Затвор автомата был передернут. То есть патрон был дослан в патронник…

Группа «волкодавов» спускалась по деревянной лестнице, так кстати принесенной бандитами, при свете своих тактических фонарей. Там, на месте взрыва, еще топтались два следователя-взрывотехника, осматривая стены и саму лестницу, собирали осколки, щедро разбросанные по полу, поскольку пробить бетонные стены мелкие осколки не могли и просто рикошетили. У следователей были свои фонари, не такие мощные, как у бойцов группы «волкодавов», но все же и они помогали. Дальше «волкодавы» вышли через центральный вход, мимо комнатки дежурной, где сейчас никого не было. Следственная бригада уже осмотрела помещение, составила протокол, а тело расстрелянной дежурной увезли в морг. Радиолов заглянул в комнатку, чтобы щелкнуть выключателем и зажечь свет на лестнице. Свет, однако, не загорелся. Лампочки осколками и взрывной волной перебило, хотя только недавно они были на месте, в чем капитан сам убеждался при выходе во двор. Этот же факт напоминал о бренности человеческой жизни и о необходимости соблюдения установленного порядка. Не запусти Радиолов впереди группы опытного сапера старшего лейтенанта Опарина, бойцы могли бы разделить участь неодушевленных лампочек.

На выходе, рядом с крыльцом, дежурили двое гражданских полицейских. О чем они говорили, что обсуждали, осталось для «волкодавов» неизвестным, поскольку арабского языка никто из них не знал. Да и разговор велся, как показалось Радиолову, на каком-то другом языке. Арабский в звучании более мягкий, певучий, с большим количеством протяжных гласных звуков. Возможно, полицейские, как большинство из них в Сирии, как сам президент Сирии и как генерал Сухель, были алавитами и говорили на своем родном языке.

Приказ полицейским был, видимо, дан однозначный: никого постороннего в гостиницу не впускать, а вот насчет того, кого можно выпускать, приказа никакого не было, и потому они не решились остановить вооруженную группу «волкодавов». Группа без задержки перешла дорогу, и у дверей соседнего дома их встретил представитель российской военной полиции, какой-то кавказец, скорее всего чеченец, с погонами майора. Российская военная полиция в Сирии была чаще всего представлена чеченцами и дагестанцами, которым было легче найти общий язык с сирийцами, невзирая на то, на чьей стороне они воевали. Ведь значительную часть оппозиции составляли те же самые сирийцы, не согласные с методами правления президента Асада. Результат действий российской военной полиции был налицо – большая часть оппозиции сложила оружие и не стала воевать за чужие интересы. Здесь чувствовалась заслуга Российского центра по примирению враждующих сторон, которому в общем-то российская военная полиция и подчинялась.

Майор военной полиции оказался немногословным человеком, предпочитающим объясняться знаками. Он жестом позвал группу «волкодавов» за собой. Внутри, на первом этаже, сидело множество полицейских. Настоящей работой были заняты только четверо. Как стало сразу понятно – это были полицейские саперы. Старший лейтенант Опарин по знаку командира сразу подошел к ним. Присмотрелся, вернулся к «волкодавам» и сказал несколько слов командиру. Радиолов его выслушал, сам тоже знаком подозвал к себе майора российской военной полиции и весьма серьезным тоном произнес:

– Товарищ майор, попрошу вас вывести из помещения, где работают саперы, всех, не причастных к разминированию людей. Это естественное правило безопасности.

– А вы сами?

– Мы тоже выйдем. Здесь останется только наш сапер, чтобы помочь саперам местной полиции. Они работают настолько неаккуратно, что все вы находитесь, по сути дела, в весьма опасном положении. Будьте так любезны, товарищ майор, обеспечьте безопасность сотрудников полиции.

Сказав это, капитан резко повернулся и двинулся к выходу. Все «волкодавы», за исключением старшего лейтенанта Опарина, вышли вслед за командиром. И тут же начали по одному выходить полицейские. Сначала вышли российские, за ними, видимо, иранские, и последними покинули дом сирийцы. Все собрались на середине дороги. То есть в самом безопасном месте. В самом деле, если дом «взлетит на воздух», взрывом будут повреждены в первую очередь стены первого этажа, и два оставшихся этажа просто рухнут на первый, развалившись при ударе. Взрывная волна, если она вырвется в выбитые окна, а она обязательно вырвется, ударит стоящих посреди дороги людей и просто повалит их. Но если они перейдут через дорогу и сконцентрируются у фасадной стены гостиницы, эта же самая взрывная волна ударит их о стену и буквально размажет по ней. Это понимали все, и полицейские, и «волкодавы», которые первыми заняли середину неширокой дороги.

Ждали большей частью молча. Только сирийцы время от времени разговаривали друг с другом, что-то беспечно обсуждая. Это никого не удивляло. Легкий и слегка безалаберный характер сирийцев знали все присутствующие. Этим своим характером сирийцы существенно отличались от присутствующих здесь же обычно мрачных и серьезных иранцев, от российских военных полицейских, составленных в основном из представителей кавказских народов, которые своим менталитетом были, конечно, ближе к иранцам, чем к сирийцам, и от «волкодавов», которые стояли молча и переживали за безопасность своего товарища, оставшегося в здании.

Время тянулось медленнее медленного. Наконец из двери вышел сирийский полицейский сапер и что-то оживленно прокричал. За его плечом виднелась верхушка шлема старшего лейтенанта Опарина, который спокойно сказал по связи:

– Товарищ капитан, разминирование завершено. Можно всем входить в здание.

Сирийцы с иранцами известие получили раньше, потому раньше других и сорвались с места. За ними последовали российские военные полицейские, скорее всего понимающие арабскую речь. И последними спокойно, даже неторопливо пошли «волкодавы». Но капитан Радиолов не был простым зевакой, которому требовалось заглянуть в проход, замаскированный закрывающимся на ключ шкафом. Он знал, что от него требуется. А требовалось от него, как объяснил полковник Черноиванов, найти второй вход в подземную галерею. Заглянув в освобожденный от минирования проход, капитан дал команду:

– Искать еще один вход в подземелье. Соблюдать осторожность. Вход может быть заминирован.

Поиски продолжались по крайней мере минут двадцать. Но ничего найдено не было.

– Значит, полковник был неправ… – сделал вывод Радиолов, сел верхом на шаткий стул, положил локоть на подоконник, держа свой автомат на коленях, и надолго задумался.

О чем думал командир, никто в группе не знал, но все уже давно привыкли к тому, что капитану, бывает, требуется время, в которое никто ему не мешает, никто не задает вопросов и не сбивает его с нужных мыслей, которые он выстраивает по логической цепочке. И только потом, когда все встанет на свои места, Радиолов введет «волкодавов» в курс дела, поделится своими соображениями.

Наконец он встал, тяжело вздохнул, забросил за плечо ремень автомата и тихо сказал в микрофон:

– Уходим. Нам здесь делать больше нечего.

В гостинице все было без перемен. Те же самые часовые так и стояли перед входной дверью. Или их забыли сменить, или они уже сменились, отдохнули и снова заступили на пост, или в сирийской армии время на посту совершенно не такое, как в армии российской. Возможно, они получили приказ не задерживать «волкодавов» ни при выходе, ни при входе. И потому как разговаривали между собой, так и продолжали разговаривать, не обращая внимания на входящих бойцов российской ЧВК.

Глава вторая

На недавно взорванной лестнице «волкодавов» встретила уже совсем иная картина. Двое следователей, видимо, так и не сумели собрать все осколки, разлетевшиеся между стенами, или не посчитали нужным собирать все, поэтому там сейчас работал какой-то человек в синей стандартной униформе уборщика и щеткой выметал уцелевшие ступени от покрошенных бетонных камней, пыли и оставшихся металлических осколков. Еще два человека сидели внизу на большом промышленном сварочном аппарате, ожидая, когда им предоставят место для их собственной работы. У одного из рабочих в руках была сварочная маска. Рядом с трансформатором на полу были сложены куски арматуры, которые удалось добыть ночью, и там же лежали неструганные доски. Видимо, из досок думали сделать опалубку, чтобы потом залить бетоном и хотя бы частично восстановить лестницу. Делалось это, как догадался Радиолов, по приказу генерала Сухеля, чтобы обеспечить удобство боевой группе российского ЧВК, потому что, кроме них, на втором этаже никто не жил. «Волкодавам» же, чтобы подняться, пришлось снова воспользоваться деревянной лестницей, которую убрать никто и не пытался. С нее скорее всего собирались работать сварщики-арматурщики и плотники с бетонщиками.

Радиолов остановился перед выходом в коридор второго этажа, пропуская своих бойцов мимо себя, и дождался поднимающегося последним старшего лейтенанта Ласточкина, лестница под крупным и крепким телом которого предательски поскрипывала.

– Подскажи-ка мне, Анатолий Васильевич… В первой операции ты с третьего этажа стрелял по второму. Или даже с крыши… Как там, наверху? Засаду можно устроить?

– Смотря куда стрелять потребуется…

– Как в тот раз, по второму, думаю, этажу. Может быть, и по третьему.

– Можно устроить. А сколько человек устраивать?

– Всю группу.

– Нормально. Можно. Можно еще одну такую же по численности, места на всех хватит. Часть разместить на третьем, часть на крыше. Все поместятся. А какая в этом надобность? Кого ждать? Поделись мыслями, командир. Может, совет деловой подскажу…

– Не сейчас. Вернемся, тогда всем расскажу, чтобы два раза не повторять…

Они как раз подошли к двери одного из двух номеров, что занимали «волкодавы» на втором этаже. Дальше по коридору с той же стороны находилась только дверь в бывший кабинет американского полковника Цитукаса. И в самом конце коридора еще не убрали залитый кровью часового письменный стол – раньше там был бандитский пост. На столе по-прежнему стоял электрический чайник, никем не тронутый. На стене имелась розетка, часовой мог на посту побаловаться мате, чтобы не засыпать во время долгого дежурства. Так бандиты охраняли покой и спокойствие полковника американской разведки.

А сейчас, уже потеряв этого полковника вместе с документами из его сейфа и с жестким диском его компьютера, американские пособники бандитов готовы были обстреливать соседние номера той же самой гостиницы.

Полковник Черноиванов так и дожидался «волкодавов» в том же номере, где они его оставили. При виде вошедшего капитана он поднялся и нетерпеливо потребовал:

– Докладывай, Алексей Терентьевич. Что там произошло?

– Да вы же сами, товарищ полковник, все, наверное, слышали, – кивнул Радиолов на шлем с гарнитурой связи, украшавший голову Черноиванова. – Нет там никакого второго входа в подземелье. Мы все проверили. Если бы такой вход был, мы нашли бы его обязательно.

– Это, по-твоему, значит, что Лугару ушел, а другие бандиты остались и заминировали вход?

– Я этого не говорил, – упрямо наклонив голову, ответил Радиолов. – Более того, я даже думаю, что Лугару не пользовался подземным ходом. Это так… Отвлекающий момент для нас, чтобы мы спать спокойно завалились или в подземелье сунулись и на мине подорвались. Для подполковника Волкоффа и тот и другой варианты подходят. Он победителем все равно объявил бы себя. При втором варианте сказал бы, дескать, как ловко обвел всех русских вокруг пальца, заманил в ловушку. Если второй вариант не сработает, остается первый: мы решаем, что утро вечера всегда мудренее, и собираемся утром все и обсудить. А он действовать начнет и не позволит нам проснуться. Типичное для хитрого убийцы течение мыслей…

– Ну-ка, ну-ка… Выкладывай, что надумал? – заинтересовался полковник.

– Я тут вспомнил, что у Оборотня есть и другая кличка в американском спецназе. Его раньше называли Great skill[9]…

– Я как раз, когда вы ушли, вспоминал эту кличку подполковника Волкоффа. Только меня она ни на какие мысли не навела. Но я рад, что навела хотя бы тебя. Поделись…

– Я однажды, товарищ полковник, как и вы, участвовал в совместных с американцами антитеррористических учениях. Тогда я еще взводом спецназа ГРУ командовал. И в момент, когда другие уже отказались от выполнения задачи, посчитав ее невыполнимой, и ушли отдыхать в палаточный городок, я со своим взводом остался на месте и все выполнил своим составом, хотя расчет велся на усилия трех взводов – моего и двух американских. Я хорошо помню, как американцы меня тогда называли тем же эпитетом – Great skill. Вспомнив это и проведя аналогию, я подумал, что другой Great *skill*, убедившись, что первая атака не принесла успеха, иначе говоря, полностью провалилась, не ушел к себе на базу, а просто спрятался в развалинах других домов где-то поблизости. У него там должны быть еще люди. Запасная команда. И с ними он надеется завершить операцию. Сегодня же ночью он повторит атаку, только теперь уже не будет мудрствовать и лукавить, а пойдет сразу бить в лоб, потому что от него часто ожидают какой-то хитрости. Но Лугару всегда делает то, чего от него не ожидают.

– А ты сейчас сам не чрезмерно мудрствуешь? – переспросил Черноиванов.

– Никак нет, товарищ полковник. Но сегодняшняя ночь все покажет и все расставит по своим местам. И хорошо бы сегодняшней ночью захватить самого Лугару. Я надеюсь, что он утратил хотя бы часть своего волчьего нюха на опасность и не уйдет раньше времени.

– И какой ты представляешь себе эту лобовую атаку?

– Лугару выйдет из других развалин и вернется в дом через дорогу. Среди ночи, уже накануне рассвета, он обстреляет оба гостиничных номера из автоматов и гранатометов. Обязательно из гранатометов, чтобы исключить случайность и достать осколками всех. Еще хуже будет, если у него есть огнемет. Тогда уже Лугару всю гостиницу сожжет.

– И как ты думаешь противостоять этому? Устроить засаду в развалинах?

– Я специально смотрел. Там очень сложно замаскироваться. Если только битым кирпичом себя обложить. Но я сразу вспоминаю другие учения, совместные спецназа ГРУ и спецназа ФСБ. Наши тогда были «синими», спецназ ФСБ – «зелеными». Тогда ФСБ загнало нашу группу на развалины заброшенного кирпичного заводика. Наши специально туда шли, заранее разведав там местность. Заводик находился посреди болота на острове. Вроде бы и уйти некуда, только в трясину. Но наши парни успели подготовиться и спрятались среди битого кирпича. Там несколько вагонов такого было. А снайпер взвода, прапорщик, вообще обклеил осколками свой маскировочный халат. Так и лежал в нем поверх кучи, тогда как другие были устроены с удобствами внутри кучи в металлических бочках. Спецназ ФСБ пришел на площадку. Тоже, кстати, дело ночью было. Один из офицеров ФСБ в темноте на целый кирпич наступил, ногу подвернул и упал. Потом выматерился, поднял кирпич и с силой запустил его в кучу битого. И угодил нашему снайперу между лопаток. Хорошо, что снайпер оказался терпеливым, мате-

[9] Great skill *(англ.)* – высший уровень мастерства.

рился в ответ не вслух, а про себя. У меня бы терпения не хватило, я бы сильно ответил на кирпич… Боюсь, и в доме напротив ситуация повторится…

– Что тогда предлагаешь? Лечь всем спать? – усмехнулся Черноиванов.

– Мы уже, товарищ полковник, успели выспаться. Нам на это много времени не требуется, – как всегда, за всех ответил старший лейтенант Ласточкин. – А вообще я вот лично умею и на жердочке, как петух в курятнике, спать, особенно если жердочка будет достаточно толстая.

– Вижу, что уже что-то вы обмозговали… – Черноиванов почти обрадовался словам старшего лейтенанта. – И где твоя жердочка будет располагаться? Курятник где устроишь, Алексей Терентьевич?

– Да вот думаю, этажом выше и на крыше…

– Там живет кто-нибудь?

– Там стены развалены, и кровли нет. Жить там невозможно.

– Ну, добро. А я тогда предупрежу акида Македона, чтобы он на соседних улицах засады выставил. Скрытные.

– Только попросите реагировать исключительно на тех, кто будет уходить отсюда, и не трогать тех, кто в нашу сторону движется. И еще. Обязательно надо немедленно выставить засаду в подземном ходе. Вход в него разминирован, и Оборотень может этим воспользоваться, чтобы улизнуть.

– Ты же опасался, что там стоят датчики движения на взрывателях, – напомнил полковник.

– Он должен знать, в каких местах стоят взрывные устройства, и может иметь при себе чип-карту, на которую датчики среагируют и пропустят его, – вместо капитана объяснил суть вопроса старший лейтенант Опарин. – Я встречался с такими взрывателями на курсах повышения квалификации. Это последний писк моды на французских минах. Без чип-карты любой человек обречен. А она позволяет мину даже снять, хотя это тоже очень сложная работа и не каждому подвластна.

– Я понял. Такой человек, как Оборотень, должен иметь подобную чип-карту. А французы в Сирии – союзники американцев.

– И еще, товарищ полковник, пусть посты сообщают о тех людях, что будут передвигаться в нашу сторону. Дайте им мой номер телефона.

Черноиванов вытащил из чехла свою трубку, одним нажатием послал вызов, и ждать ответа ему в очередной раз не пришлось. Если начальник контрразведки дивизии когда-нибудь вообще и спал, то явно не в этот раз. Полковник в подробностях высказал все соображения капитана Радиолова, не забыв, похоже, сказать, кому принадлежит авторство вычислений. Хотя говорил он на арабском языке, но фамилия капитана прозвучала несколько раз, даже несколько раз прозвучало и второе прозвище Оборотня – Great *skill,* причем однажды прозвучало рядом с фамилией капитана, и стало ясно, что Черноиванов рассказывает и о том, что Радиолова тоже называли так.

Когда разговор закончился, Черноиванов осмотрел группу «волкодавов» с видом победителя и обратился к капитану:

– Акид Македон, Алексей Терентьевич, пришел в восторг от твоего умения просчитывать ситуацию. Он сразу, в отличие от меня, поверил, что Лугару где-то поблизости бродит, даже предложил организовать облаву на Оборотня и прошарить все окрестные развалины. Полицейских сил в город прибыло уже достаточно для поисковой операции. Я, естественно, резко отказался. Такие поиски в случае неудачи просто отпугнут Лугару от здания гостиницы. Он уйдет, и тогда искать его придется долго. Заново придумывать какую-то операцию, чтобы выманить его и уничтожить. А в случае удачных поисков это чревато ненужными жертвами среди сил полиции. Если, скажем, российская военная полиция в определенной степени близка по подготовке к уровню не спецназа ГРУ, конечно, но какого-то другого спецподразделения,

то сирийская, что военная, что гражданская, полиция мало на что пригодна, кроме проверки документов. Но сошлись мы на предварительном нашем варианте, когда силы полиции выступают немедленно и занимаются только наблюдением. Блокировка района будет осуществляться только после команды капитана Радиолова или моей команды. И прямо сейчас самая опытная, самая дисциплинированная группа сирийской военной полиции отправится в подземный ход, чтобы заблокировать его. Далеко углубляться им будет запрещено. Засядут где-то поблизости от входа, чтобы не допустить бегства Оборотня. Если он или его люди покажутся, будет открыт огонь на поражение. Итак…

– Итак… – повторил за полковником Радиолов.

– Итак, ты, Алексей Терентьевич, можешь выступать на позицию. Расставь людей, приготовьтесь и ждите.

– Сколько у нас до рассвета, товарищ полковник?

Черноиванов посмотрел на часы.

– Около трех часов. Может быть, чуть-чуть поменьше.

– Тогда немедленно выступать рано. Люди в засаде устанут раньше времени. Это не та засада, когда ждешь противника, лежа где-то в кустах. Ласточкин правильно заметил, что сидеть придется, как петух на жердочке. Примерно за час до рассвета будет наступление бандитов. Обычное время, когда людям невыносимо хочется спать. Подполковник Волкофф слишком опытный человек, чтобы не знать этого. Значит, мы выйдем через час. Мой номер, товарищ полковник, передать не забыли? Чтобы из засады смогли предупредить. Лучше через переводчика, если смогут таких добыть необходимое количество. Хотя вся российская военная полиция здесь владеет и русским, и арабским языками, нужно их использовать…

– Не забыл, Алексей Терентьевич, не забыл. Акид Македон даже записал номер, а потом мне для проверки прочитал. К тому же он каждой группе, как ты просишь, придает переводчика, чтобы тебе смогли передать данные.

– Много переводчиков потребуется… Посоветуйте мой вариант…

– Акид сам так же решил. С группами из местных полицейских отправляются полицейские из отряда российской военной полиции. Там служат парни с Кавказа. Они русский язык знают не хуже, чем арабский. Правда, и тот и другой знают отвратительно.

– А не проще было бы прислать к нам арифа Салмана, он бы принимал все сообщения и переводил, – высказался Ласточкин.

– Поздно переигрывать. Дело, думаю, уже сделано. В настоящий момент, надеюсь, акид Македон передает номер командирам отдельных групп. Группы используются те самые, что выставлялись заслоном вокруг района действий бандитов, когда они в первый раз гостиницу атаковали.

– Меня еще один вопрос беспокоит… – признался Радиолов. – Если у бандитов есть огнеметы, они в состоянии гостиницу поджечь. Тогда мы там, наверху, можем превратиться в натуральный шашлык.

– Думаешь, тепло так высоко поднимется? – спросил полковник.

– Тепловой удар с первого этажа до пятого достает. Если граната огнемета попадает в бетонное укрытие типа блокпоста, то бетонная плита перекрытия на полсотни метров вверх подлетает. Я сам видел такое на полигоне. Но мы, думаю, справимся и с этим.

– Какой делаешь из ситуации вывод?

– Сначала искать прицелом людей с огнеметами. Искать и уничтожать. Это единственное, что может нас спасти. И из номеров все ценное следует вынести на всякий случай. Ценное у нас, к счастью, только оружие и оборудование…

Первый звонок с предупреждением пришел к капитану Радиолову уже через полчаса. Грубый голос с откровенным кавказским акцентом на ужасном русском языке сообщил, что в сторону улицы, параллельной той, где стоит гостиница, выдвигается с оглядкой группа из

четырех человек. У всех четверых на голове странные сооружения из четырех одинаковых трубок.

– На голове или на шлеме? – переспросил Радиолов.

– На шлеме. Но шлем-то на голову надет… – грубо, с вызовом ответил переводчик, видимо, не большой любитель уточнений.

– Пусть выдвигаются, мы их встретим, – ответил капитан. – Спасибо…

Это «волшебное слово» сыграло свою роль. Грубый голос сразу сменился на приветливый. И переводчик задал вопрос:

– А что это за трубы они на себе носят?

– Я не видел, но могу предположить, что это GPNVG-18[10]. Такой прибор ночного видения с панорамным углом обзора около сотни градусов, может быть, чуть меньше. Самый совершенный в мире. Стоит несколько миллионов рублей. Находится на вооружении у «морских котиков» и других самых элитных подразделений американского спецназа, в том числе у «команды шесть», где служит Оборотень, которого мы в настоящий момент ловим.

– Вот бы такую штуку заиметь! – с восхищением воскликнул переводчик.

– Разрешаю снять с первого же убитого американца. Не забудьте забрать у него из кармана «разгрузки» зарядное устройство. Иначе аккумулятор быстро сядет и придется прибор выбрасывать. В крайнем случае можно будет позаимствовать зарядное устройство у китайского аналога. Он стоит в пределах трех-четырех тысяч рублей и не идет ни в какое сравнение с американским. Отсутствуют многие встроенные приборы. И качество другое, и поле обзора намного меньше. Имейте это в виду. У меня все. Конец связи…

– Конец связи… – ответил переводчик. – Спасибо за информацию.

«Вот что значит вовремя произнесенное «волшебное слово», – подумал Радиолов.

– Всем! – по внутренней связи приказал он. – Применять в полном объеме средства защиты – маску и перчатки. У противника предположительно самые совершенные в мире приборы ночного видения. Они не должны нас увидеть. Выходим на позицию… Они идут!

Полковник Черноиванов, понимая, что в любом из гостиничных номеров, где поселили «волкодавов», находиться опасно, вышел к лестнице, где рабочие ремонтировали лестницу. Когда боевая группа «волкодавов» появилась вслед за ним и стала подниматься по остаткам пролета, ведущего на третий этаж, рабочие предупредили бойцов, что верхний этаж не жилой и вообще находиться там опасно для жизни – есть риск при отсутствии целых кусков стен вывалиться на улицу. Рабочие говорили, естественно, на арабском языке, а полковник Черноиванов переводил, делая вид, что с «волкодавами» если и знаком, то лишь поверхностно, хотя уже по экипировке «Ратник», которую носили все офицеры группы и полковник тоже, можно было бы предположить, что они из одной команды. Но на лестнице царил полумрак, разрываемый только светом переносной лампы, освещающей непосредственно место работы, да к тому же рабочим было просто некогда разбираться с тем, что их совершенно не интересовало. Все эти люди были для них просто жильцами гостиницы, и не более. А для чего такой большой вооруженный отряд стал подниматься на нежилой этаж – это никого не волновало. Вокруг шла война, вокруг стреляли и убивали, взрывали дома и людей, а за работу в ночное время обещали хорошо заплатить, и потому рабочие старались все сделать быстро и качественно. Они даже не знали, что полковник Черноиванов живет совсем в другом месте, в офицерском общежитии штаба дивизии. Но если бы им кто-то и сообщил это, рабочим, похоже, все равно было бы неинтересно. Все, что касалось войны, их касаться не должно, считали эти люди, и очень удивились бы, если бы постояльцы гостиницы спросили вдруг их, почему здоровые крепкие

[10] GPNVG-18 – Ground Panoramic Night Vision Goggle – прибор ночного видения производства компании L-3 Warrior Systems с панорамным углом обзора в девяносто семь градусов, не имеет аналогов в мировой практике. Стоит на вооружении самых элитных подразделений американских Сил Специальных Операций – DEVGRU («морские котики») и других.

мужчины не воюют. Для них воевать было неестественно, они предпочитали, как и многие их соотечественники, чтобы за них воевали другие, пусть даже приехавшие из другой страны.

Этим людям было, возможно, не все равно, кто победит в войне. Они не желали власти ИГИЛ и похожих бандитов, но считали чрезвычайными везунчиками тех, кому посчастливилось уехать в Европу, где не стреляли, где платили даже какие-то пособия, которые были громадными в сравнении даже с заработанными деньгами в самой Сирии…

Глава третья

– Ласточкин! Возьми с собой снайперов и поднимись на крышу. У тебя есть опыт. Крыша тебе знакома. Только без риска. Устрой всех, и сам устройся…

Такое разделение группы, когда три снайпера, имеющих винтовки с глушителем и мощные оптические прицелы с тепловизором, поднялись выше, а внизу, если третий этаж можно считать низом, осталось шесть человек вместе с командиром, вполне устроило Радиолова. Сам он прицепил на шлем индикатор оптической активности, позаимствованный у старшего лейтенанта Ласточкина. Два других индикатора нацепили на свои шлемы снайперы Сергеев и Югов. Устанавливать на верхних этажах, да и вообще в здании, станцию ближней разведки «Фара ВР» смысла не было, поскольку противник должен был находиться в непосредственной близости – вся улица едва ли достигала восемнадцати метров. В таких условиях станция ближней разведки только отвлекала бы внимание на «планшетник», с которым она соединялась кабелем. А смотреть в условиях ближнего боя следовало не в «планшетник», а в оптический тепловизионный прицел оружия, и стрелять было необходимо предельно быстро. От быстроты стрельбы, от навыков в поисках следующей цели, после поражения предыдущей во многом зависел успех всех действий. Конечно, быстрее и точнее всех стреляли снайперы, но им ставилась задача ликвидации противника, если он попытается атаковать с третьего этажа. А основная атака должна идти со второго, чтобы сохранялась возможность прострела всей площади гостиничного номера, а не только ближайших подступов к окну. И потому Радиолов решил, что на третий этаж если кто и поднимется, то только два-три человека. Больше посылать туда просто смысла не было.

А теперь начиналось самое сложное.

Пришло время ожидания противника…

«Волкодавы» замерли без движений в готовности. Только одному капитану Радиолову пришлось шевелиться, отвечая на телефонные звонки. Сообщений поступило несколько. Бандиты подходили с разных сторон, из чего можно было сделать вывод, что в городских развалинах их осталось немало и город по-прежнему, особенно с наступлением темноты, представляет собой опасность. И что было самое неприятное – эти бандиты, вне всякого сомнения, имели средства связи и подчинялись единому руководству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.